
С.И. Кормилов

Личность и толпа

<...>

Противостояние «толпе угрюмой» отчетливо, прямо выражено в стихотворении **«Как часто, пестрою толпою окружен...»** (1840), заканчивающемся упоминанием стиха, определенного эпитетом «железный». Поэта духовно поддерживали воспоминания о лучшем лично для него. Стихотворение построено на антитезе светского ритуализованного, бездушного развлечения, когда «затверженные речи» производят впечатление *дикого* шепота, а изящные танцы — шумной *пляски*, и воспоминаний забывшегося автора о детстве в родных местах, на лоне природы, куда он летит «вольной, вольной птицей» (слово повторено, хотя птица и так ассоциируется с вольностью). На маскарадном балу, предполагающем раскованное поведение, тем не менее господствует поведение условное, искусственное, несвободное. Изображение его занимает два шестистишия, составляющих одно длинное сложноподчиненное предложение, в котором «образы бездушные людей, Приличьем стянутые маски» действительно «мелькают». Фигуры видятся «как будто бы сквозь сон». Воспоминаниям отведено вдвое больше стихов, четыре строфы, и в них предстают вполне конкретные картины. Но они включают и мечту в мечте. «Странная тоска» зародилась еще тогда, давно, когда к юному герою пришла мечта о чудесном создании.

Так царства дивного всеильный господин —
Я долгие часы просиживал один...

Мальчиком и юношей Лермонтов грезил далеко не только о прекрасной девушке. В «Отрывке» (1831) он признавался, что «в себе одном нашел спасенье целому народу». Теперь, однако, и куда менее амбициозная мечта оказывается живее и достойнее реальности, к которой героя возвращает последняя, седьмая строфа. Здесь сразу два «обмана»: самообман автора, надолго погрузившегося в прошлое, и обманная жизнь света, которая перед глазами. Этот второй «обман», ложную веселость поэту и хочется «смутить» своим стихом, «облитым горечью и злостью!..». Традиционно низкое в поэзии слово «злость» в самом ответственном месте стихотворения, концовке, уместно, ведь автору не до светского условного жаргона. Миражная атмосфера оправдывает запутанный, не везде правильный синтаксис (так, по речевой норме следовало бы после упоминания «толпы людской» употребить местоимения «ее», «ей», а не «их», «им»: «дерзко бросить им в глаза...»), блуждающее, «рваное» сознание делает естественными формальные несоответствия.

<...>